нормальное питание. Это, во-первых. Во-вторых. Печерлаг, конечно, строил железную дорогу на Воркуту - больше там некуда строить. Во время войны это была задача особой важности. Значит и спрос с начальства лагеря был особо строгий. А в таких случаях начальство старается выхлопотать для своих работников дополнительное питание. И там оно наверняка было. Значит, и говорить о голоде на этой стройке - заведомо врать. И последнее. Смертность в 200 душ в сутки никакой секретностью не скроешь. И не у нас, так за бугром печать об этом сообщила бы. А в лагерях о таких сообщениях обязательно и быстро узнавали. Это я тоже свидетельствую. Но я никогда и ничего о высокой смертности в Печерлаге не слыхал. У меня все.

Романов вопросительно посмотрел на Назарова.

- Я, кажется, знаю разгадку, - сказал он. - На Колыму я попал с Воркутлага, где пробыл 2 года. Так вот, теперь вспомнил: многие старожилы говорили, что в Воркутлаг попали после окончания строительства железной дороги, а раньше числились за Печерлагом. Поэтому они никуда не этапировались. Вот и все.

- Логично, - сказал Романов. - Сперва гуртом строили дорогу. Потом большую часть рабсилы кинули на строительство шахт. Ведь шахта - это не просто дырка в земле, и на поверхности нужно много чего понастроить, чтобы уголек «пошел на-гора». А стране уголек стал ой как нужен. Ведь тогда Донбасс-то у Гитлера оказался. В общем, Солженицын здесь явно схимичил, сотворив из цифр страшилку. Ну да ладно, продолжим.

ЖЕРТВЫ ГОРОДОВ

Вот еще одна цифровая загадка: «Считается, что четверть Ленинграда была посажена в 1934-1935 гг. Эту оценку пусть опровергнет тот, кто владеет точной цифрой и даст ее» [3]. Ваше слово, Семен Никифорович.

- Ну, здесь говорится о тех, кто был взят по «делу Кирова». Их действительно было много больше, чем могло быть виновато в смерти Кирова. Просто под шумок начали сажать троцкистов. Но четверть Ленинграда, конечно, - нахальный перебор. А точнее пусть попробует сказать наш друг - Питерский Пролетарий (так Семен Никифорович иногда шутливо величал меня). Ты ведь тогда был там.

Пришлось говорить мне.

Тогда мне было 7 лет. И точно помню только траурные гудки. С одной стороны слышались гудки завода «Большевик», а с другой - гудки паровозов со станции «Сортировочная». Так что, строго говоря, ни очевидцем, ни свидетелем, я быть не могу. Но тоже считаю, что названное Солженицыным количество арестованных фантастически завышено. Только здесь фантастика не научная, а прохиндейская. Что Солженицын здесь темнит, видно хотя бы из того, что требует для опровержения точную цифру (зная, что читателю ее негде взять), а сам называет дробное число - четверть. Поэтому проясним дело, посмотрим, что значит в целых числах «четверть Ленинграда». В то время в городе проживало примерно 2 млн. человек. Значит, «четверть» - это 500 тыс.! По-моему, это настолько прохиндейская цифра, что ничего больше доказывать не нужно.

- Нужно! - убежденно сказал Романов. - Мы же имеем дело с Нобелевским лауреатом...

- Ну ладно, - согласился я. - Вы знаете лучше меня, что большинство зеков - мужчины. А мужчины везде составляют половину населения. Значит, в то время мужское население Ленинграда было равно 1 млн. Но ведь не все население мужского пола можно арестовать - есть грудные младенцы, дети и престарелые люди. И если я скажу, что таких было 250 тыс., то дам большую фору Солженицыну - их, конечно, было больше. Но пусть будет так. Остается 750 тыс. мужчин активного возраста, из которых Солженицын забрал 500 тыс. А для города это значит вот что: в то время везде работали в основном мужчины, а женщины были домохозяйками. А какое предприятие сможет продолжить работу, если из каждых трех работников лишится двух? Да весь город встанет! Но этого же не было.

И еще. Хотя мне и было тогда 7 лет, но могу твердо свидетельствовать: ни мой отец и никто из отцов моих знакомых сверстников арестован не был. А при таком раскладе, какой предлагает Солженицын, арестованных у нас во дворе было бы много. А их вообще не было. У меня все.

- Я, пожалуй, добавлю вот что, - сказал Романов. - Случаи массовых арестов Солженицын называет «потоками, вливающимися в ГУЛАГ». И самым мощным потоком он называет аресты 37-38 гг. Так вот. Если учесть, что в 34-35 гг. троцкистов сажали не меньше, чем на 10 лет, то ясно: к 38-му г. никто из них не вернулся. И в «большой поток» из Ленинграда брать было просто некого...

- А в 41-ом - вмешался Назаров, - в армию призывать было бы некого. А я где-то читал, что тогда Ленинград дал фронту около 100 тыс. одних только ополченцев. В общем, ясно: с посадкой «четверти Ленинграда» Солженицын опять переплюнул господина Геббельса.

Посмеялись.

- Эт точно! - воскликнул Семен Никифорович. - Любители потоптаться о «жертвах сталинских репрессий» любят вести счет на миллионы и не меньше. К этому случаю мне вспомнился один недавний разговор. Есть у нас в поселке один пенсионер, краевед-любитель. Интересный мужик. Зовут его Василий Иваныч, а потому и кликуха у него - «Чапай». Хотя фамилия у него тоже исключительно редкая - Петров. На Колыму он прибыл на 3 года раньше меня. И не так, как я, а по комсомольской путевке. В 1942-м добровольно ушел на фронт. После войны вернулся сюда, к семье. Всю жизнь шоферил. Он частенько заходит в нашу, гаражную биллиардную - любит шары погонять. И вот как-то при мне подходит к нему один молодой шоферишка и говорит: «Василий Иваныч, скажите честно, страшно было жить здесь в сталинские времена?» Василий Иваныч посмотрел на него удивленно и сам спрашивает: «Ты о каких страхах толкуешь?»

«Ну, как же, - отвечает шоферишка, - сам слыхал по «Голосу Америки». Здесь в те годы угробили несколько миллионов зеков. Больше всего полегло их на строительстве Колымской трассы...»

«Ясно, - сказал Василий Иваныч. - А теперь слушай внимательно. Чтобы где-то угробить миллионы людей, нужно чтобы они там были. Ну, хотя бы короткое время - иначе гробить будет некого. Так или нет?»

«Логично» - сказал шоферишка.

«А теперь, логик, слушай еще внимательнее, - сказал Василий Иваныч и, повернувшись ко мне, заговорил. - Семен, мы с тобой точно знаем, а наш логик наверно, догадывается, что сейчас на Колыме народу живет много больше, чем в сталинские времена. Но насколько больше? А?»

«Думаю, что раза в 3, а, пожалуй, и в 4» - ответил я.

«Так! - сказал Василий Иваныч, и, повернулся к шоферишке. - По последнему статистическому отчету (они ежедневно печатаются в «Магаданской правде»), сейчас на Колыме (вместе с Чукоткой) проживает около полумиллиона человек. Значит, в сталинские времена здесь проживало, самое большее, около 150 тыс. душ... Как тебе эта новость?»

«Здорово! - сказал шоферишка. - Никогда бы не подумал, что радиостанция такой солидной страны могла так паскудно врать...»

«Ну, так знай, - назидательно сказал Василий Иваныч, - на этой радиостанции трудятся такие ушлые ребята, которые запросто делают из мухи слона. И начинают торговать слоновой костью. Берут недорого - только уши развесь шире...»

ЗА ЧТО И СКОЛЬКО

- Хороший рассказ. А главное к месту, - сказал Романов. И спросил меня: - Ты, кажется, хотел рассказать что-то про знакомого тебе «врага народа»?

- Да не моего знакомого, а отца одного из моих знакомых пацанов посадили летом 38-го за антисоветские анекдоты. Дали ему 3 года. А отсидел только 2 - досрочно освободили. Но вместе с семьей выслали за 101 км, кажется, в Тихвин.

- Ты точно знаешь, что за анекдот дали 3 года? - спросил Романов. - А то у Солженицына другие сведения: за анекдот - 10 и более лет; за прогул или опоздание на работу - от 5 до 10 лет; за колоски, собранные на убранном колхозном поле, - 10 лет. Что ты на это скажешь?

- За анекдоты 3 года - это я знаю точно. А насчет наказаний за опоздания и прогулы - твой лауреат врет, как сивый мерин. Я сам имел две судимости по этому указу, о чем есть соответствующие записи в трудовой книжке...

- Ай да Пролетарий!.. Ай да шустряк!.. Не ожидал!.. - съязвил Семен Никифорович.

- Ну, ладно, ладно! - отозвался Романов. - Дай человеку исповедаться...

Пришлось исповедаться.

- Кончилась война. Жить стало полегче. И стал я получки отмечать выпивкой. А ведь у пацанов, где выпивка - там и приключения. В общем, за два опоздания - 25 и 30 минут отделался выговорами. А когда опоздал на полтора часа, получил 3-15: с меня 3 месяца высчитывали по 15% заработка. Только рассчитался - снова попал. Теперь уже на 4-20. Ну а третий раз меня ожидало бы наказание 6-25. Но «миновала меня чаша сия». Понял, что работа - дело святое. Конечно, тогда мне казалось, что наказания чересчур строгие - ведь война уже кончилась. Но старшие товарищи утешили меня тем, что, дескать, у капиталистов дисциплина еще строже и наказания горше: чуть что - увольнение. И становись в очередь на бирже труда. А когда подойдет очередь снова получить работу - неизвестно... А случаи, когда человек получал тюремный срок за прогулы, мне неизвестны. Слыхал, что за «самовольный уход с производства» можно получить год-полтора тюрьмы. Но ни одного такого факта я не знаю. Теперь о «колосках». Я слыхал, что за «кражу сельхозпродукции» с полей можно «получить срок», размер которого зависит от количества украденного. Но это говорится о полях неубранных. А собирать остатки картошки с убранных полей я сам ходил несколько раз. И уверен - арестовывать людей за сбор колосков с убранного колхозного поля - бред сивой кобылы. И если кто из вас встречал людей, посаженных за «колоски», пусть скажет.

- Я знаю два похожих случая, - сказал Назаров. - Это было в Воркуте в 1947 г. Два 17-летних пацана получили по 3 года каждый. Один попался с 15-ю кг молодой картошки, да дома обнаружили еще 90 кг. Второй - с 8-ю кг колосков, да дома оказалось еще 40 кг. И тот и другой промышляли, конечно же, на неубранных полях. А такая кража и в Африке кража. Сбор же остатков с убранных полей нигде в мире кражей не считался. И соврал тут Солженицын затем, чтобы лишний раз лягнуть Советскую власть...

- А может быть, у него было другое соображение, - вмешался Семен Никифорович, - ну как у того журналиста, который, узнав, что собака укусила человека, написал репортаж о том, как человек покусал собаку...

ОТ БЕЛОМОРА И ДАЛЬШЕ

- Ну хватит, хватит, - прервал общий смех Романов. И добавил ворчливо: - Совсем заболбали бедного лауреата... - Потом, посмотрев на Семена Никифоровича, заговорил:

- Ты давеча пропажу 40-а тыс. зеков за одну зиму назвал рекордом. А это не так. Настоящий рекорд, по Солженицыну, был на строительстве Беломорканала. Слушай: «Говорят, что в первую зиму, с 31-го на 32-й год 100 тыс. и вымерло - столько, сколько постоянно было на канале. Отчего же не поверить? Скорей даже эта цифра преуменьшенная: в сходных условиях в лагерях военных лет смертность в 1% в день была заурядна, известна всем. Так что на Беломоре 100 тыс. могло вымереть за 3 месяца с небольшим. А тут и другая зима, да между ними же. Без натяжки можно предположить, что и 300 тыс. вымерло» (4). Услышанное так всех удивило, что мы растерянно молчали...

- Меня вот что удивляет - снова заговорил Романов. - Все мы знаем, что на Колыму зеков привозили только раз в году - в навигацию. Знаем, что здесь «9 месяцев зима - остальное лето». Значит, по раскладке Солженицына, все местные лагеря каждую военную зиму должны были троекратно вымирать. А что мы видим на деле? В собаку кинь, а попадешь в бывшего зека, всю войну мотавшего срок здесь, на Колыме. Семен Никифорович, откуда такая живучесть? Назло Солженицыну?

- Не ерничай, не тот случай - хмуро оборвал Романова Семен Никифорович. Потом, покачав головой, заговорил, - 300 тыс. мертвых душ на Беломоре?! Это такой подлый свист, что и опровергать не хочется... Я, правда, там не был - срок получил в 1937 г. Но ведь и этот свистун там не был! От кого же он слыхал эту парашу насчет 300 тыс.? Я о Беломоре слыхал от блатарей-рецидивистов. Таких, которые на волю выходят только затем, чтобы немного покуролесить и снова сесть. И для которых любая власть плоха. Так вот, о Беломоре они все говорил, что жизнь там была - сплошная лафа! Ведь Советская власть именно там впервые испробовала «перековку», т.е. перевоспитание уголовников методом особого вознаграждения за честный труд. Там впервые ввели дополнительное и более качественное питание за перевыполнение нормы выработки. А главное, ввели «зачеты» - за один день хорошей работы засчитывались 2, а то и 3 дня срока заключения. Конечно, блатари тут же научились добывать туфтовые проценты выработки и досрочно освобождались. О голоде и речи не было. От чего же могли умирать люди? От болезней? Так на эту стройку больных и инвалидов не привозили. Это говорили все. В общем, Солженицын свои 300 тыс. мертвых душ из пальца высосал. Больше им неоткуда взяться, ибо такую муру никто рассказать ему не мог. Все.

В разговор вступил Назаров:

- Все знают, что на Беломоре побывало несколько комиссий писателей и журналистов, среди которых были и иностранцы. И никто из них даже не заикнулся о такой высокой смертности. Как это объясняет Солженицын?

- Очень просто, - ответил Романов, - большевики их всех или запугали или купили...

Все засмеялись... Отсмеявшись, Романов вопросительно посмотрел на меня. И вот что я рассказал.

Как только я услыхал о смертности в 1% в сутки, мне подумалось: а как с этим было в блокадном Ленинграде? Оказалось: примерно в 5 раз меньше 1%. Вот смотрите. По разным оценкам, в блокаде оказалось, от 2,5 до 2,8 млн. человек. А самый смертельно голодный паек ленинградцы получали примерно 100 дней - такое вот совпадение. За это время при смертности 1% в сутки умерли бы все жители города. Но известно, что от голода умерло 900 с лишним тыс. человек. Из них за смертельные 100 дней погибло 450-500 тыс. человек. Если разделить общее число блокадников на число погибших за 100 дней, получим цифру 5. Т.е. в эти страшные 100 дней смертность в Ленинграде была в 5 раз меньше 1%. Спрашивается: откуда в лагерях военного времени могла взяться смертность в 1% в сутки, если (как вы все хорошо знаете) даже штрафной лагерный паек был в 4 или 5 раз калорийней блокадного пайка? И ведь штрафной паек давался в наказание на короткое время. А рабочий паек зеков в войну был не меньше пайка вольных рабочих. И понятно почему. Во время войны в стране была острая нехватка рабочих рук. И морить голодом зеков было бы просто дуростью со стороны властей...

- Тут я посмотрел на Романова и добавил: «Это к твоему глумливому вопросу о том, почему выжили колымские зеки...

Семен Никифорович встал, обошел стол, обеими руками потряс мою руку, шутливо поклонился и с чувством произнес:

- Очень признателен, молодой человек!.. - Потом, обращаясь ко всем, сказал, - Кончаем эту бодягу. Пошли в кино - там начинается повторный показ фильмов о Штирлице.

- В кино успеем, - сказал Романов, посмотрев на часы. - Напоследок хочу знать ваше мнение о разногласии в отношении к лагерным больницам, которое возникло между Солженицыным и Шаламовым - тоже «лагерным писателем». Солженицын считает, что лагерная санчасть создана для того, чтобы способствовать истреблению зеков. И ругает Шаламова за то что: «...он поддерживает, если не создает легенду о благотворительной санчасти...» (5) Вам слово, Семен Никифорович.

- Шаламов тянул срок здесь. Я, правда, сам с ним не встречался. Но от многих слыхал, что в отличие от Солженицына ему и тачку приходилось катать. Ну а после тачки побывать несколько дней в санчасти - действительно благо. Да еще, говорят, ему повезло попасть на курсы фельдшеров, окончить их и самому стать работником больницы. Значит, дело он знает досконально - и как зек, и как работник санчасти. Поэтому я Шаламова понимаю. А Солженицына понять не могу. Говорят, что он большую часть срока проработал библиотекарем. Понятно, что в санчасть он не рвался. И все же именно в лагерной санчасти у него вовремя обнаружили раковую опухоль и вовремя ее вырезали, т.е., спасли ему жизнь... Не знаю, может это и параша... Но если бы довелось его встретить, я бы спросил: правда ли это? И если бы это подтвердилось, то, глянув ему в глаза, я сказал бы: «Хмырь ты болотный! Тебя в лагерной больнице не «истребляли», а жизнь твою спасали... Сука ты позорная!!! Больше мне нечего сказать...»

МОРДУ НАДО БИТЬ!

В разговор вступил Назаров:

- Теперь я окончательно понял, почему Солженицын так много и так бессовестно врет: «Архипелаг ГУЛАГ» написан не для того, чтобы сказать правду о лагерной жизни, а для того, чтобы внушить читателю отвращение к Советской власти. Вот и здесь - то же самое. Если что-то сказать о недостатках лагерной санчасти, то это малоинтересно - недостатки всегда найдутся и в гражданской больнице. А вот если сказать: лагерная санчасть предназначена способствовать истреблению зеков - это уже занятно. Примерно так же занятно, как рассказ о собаке, покусанной человеком. А главное - еще один «факт» бесчеловечности Советской власти... И давай, Миша, закругляйся - надоело в этом вранье ковыряться.

- Ну ладно, заканчиваем. Но нужна резолюция, - сказал Романов. И, придав голосу официальный оттенок, произнес: - Прошу каждого высказать свое отношение к этой книге и ее автору. Только кратко. По старшинству - вам слово, Семен Никифорович.

- По-моему, за эту книгу надо было не международную премию давать, а принародно морду набить.

- Очень вразумительно, - оценил Романов и вопросительно посмотрел на Назарова.

- Ясно, что книга пропагандистская, заказная. А премия - приманка для читателей. Премия поможет надежнее запудрить мозги читателям-верхоглядам, читателям-легковерам, - сказал Назаров.

- Не очень коротко, зато обстоятельно - заметил Романов и вопросительно посмотрел на меня.

(Продолжение на стр. 8).